

Когда пациент из палаты на втором этаже объявил, что хочет выписаться прямо сейчас, Тео только сказал:

— Не ной, если рана откроется.

Но в принципе Дарио вполне вылечился.

К тому же Нина осмотрела рану на ноге Николаса (оставленную Йоханом), и тот поднялся. Девочка кинула на него взволнованный взгляд, но промолчала. Николас махнул ей рукой, подошёл к Уорику и встал рядом.

Когда они покинули клинику, Уорик зашёл в ближайший бар, купил бутылку виски и две стопки.

— Вам тут не посудная лавка! — проворчал бармен.

Чтобы утихомирить его, Уорик запихнул ему в нагрудный карман пару купюр.

Затем «Бенрия» отправились на уже знакомую свалку. Вонь от неё тоже была знакома, хоть и чувствовалась слабее: видимо, после вчерашнего дождя посвежело.

Сесть можно было разве что на потрёпанный диван — тот самый, на котором не так давно нашли обессиленного Йохана. Уорик провёл по обивке пальцем — не так уж и грязно — сел и поднял глаза на напарника.

Николас сладко зевнул, приподнял одну бровь и окинул свалку презрительным взглядом.

«Почему ты выбрал свалку? Воняет будьте-нате!».

— Если помешаем соседям, проблем не оберёшься.

«Ожидание — вот проблема похуже. Можно было и у больницы подраться».

— Если ты в драке повредишь стены, придётся платить за ремонт. Да и Нину нельзя в это втягивать.

Николас скривился и вытащил из кармана пачку «церебре». Таблеток оставалось ещё прилично, и он проглотил все. Пустая пачка полетела в кучу мусора.

Доза была явно излишней, но Уорик даже не попытался отчитать напарника.

Конечно, он за него волновался. Но, сам не зная почему, Уорик замечал, что ему отчасти нравится наблюдать, как Николас ведёт себя опрометчиво и работает на грани возможностей. И сейчас он попытался отогнать эти мысли болтовнёй.

— Ночка будет нелёгкая.

«Всего-то и надо, что избавиться от пары бродячих псов».

— Очень опасных псов.

«И это хорошо».

Николас несколько раз тихонько стукнул по земле носком ботинка. Пускай, на нём всё и

заживало с невероятной скоростью, но полностью зажить его рана никак не могла. В любом случае, застенчивый меченый оказался достаточно силён, чтобы ранить сородича. Огромная доза, которую принял Николас, возможно, была данью уважения к способностям юноши.

А Уорик ставил на Николаса.

— Рассчитываю на тебя, напарник.

«Я не подведу».

Глаза Николаса сузились. При большом желании такое выражение можно было принять за улыбку. Вскоре Уорик тоже слышал шаги.

Дарио явился с гордо поднятой головой, грудью колесом и руками в карманах. Он чуть подволакивал раненую ногу, но ничем больше не выдавал, что ему больно. За ним, словно тень, тихо следовал Йохан.

Дарио подошёл к дивану и уселся рядом с Уориком.

— Отличный диван. И чего его выкинули?

— Ага. У меня даже выпивка есть.

— Правда? Ночь обещает быть чудесной. Выпивка, игра и друг. Такое мне и не снилось.

— Незатейливые у тебя сны, завидую. Сам-то я более жадный.

Уже очень давно при слове «сон» Уорик думал лишь о ночных кошмарах, а о «надежде» и вовсе избегал любых разговоров. Но ему предстояло отказаться ещё от одного желания — спокойно встретить завтрашний день.

Уорик протянул Дарио одну из стопок и поднял чёрную бутылку. Отражаясь в ней, далёкие огни города приобретали пошлый тёмно-красный оттенок. Город, похожий и сам на большую свалку, с настоящей свалки смотрелся просто чудесно, весь сиял. В бутылке Уорика плескался его любимый двенадцатилетний виски «Олд Парр». Бенрия помнил, что Дарио этот напиток тоже пришёлся по вкусу.

Уорик налил себе и Дарио по полстопки.

— Угощаешь?

— Ага. Хочу, чтоб ты запомнил, какова на вкус хорошая выпивка.

— Что, безо льда?

— Так это же стопки, ты что, не в курсе? Они для того и нужны, чтобы пить хороший виски безо льда.

— Ну ты знаток..

— Нет. Просто ты — невежа.

Дарио усмехнулся, выхватил у Уорика стопку, опустил туда палец и слизнул с него виски.

— За что пьём?

— За что хочешь, мне всё равно. У нас и раньше не было особого повода.

— Ну сегодня-то всё иначе. Для моего братишки это особенный день. Ради меня он собирается пойти вразнос. Такой повод любую выпивку сделает слаще.

— Я всем сердцем сочувствую малышу Йохану. Постарайся не слишком уж напиваться — у него и без тебя проблем хватает.

— Проблемы старшего брата — проблемы младшего брата. Так уж положено. Давай тогда так, — Дарио пока не успел опьянеть, но безо всякого стеснения или азарта произнёс: — За нашу победу! — лицо его сияло.

Уорик чуть скривил рот в усмешке. Дарио до боли не хватало вкуса. Но указывать на это каждый раз было недосуг.

— Хорошо, за это и выпьем.

Они чокнулись. Стаканы столкнулись с удивительно чистым звуком — от дешёвой посуды такого обычно не ждёшь.

Всего мгновение — и чистый звук поглотил звон клинков. Звон, который разнёсся по всей свалке.

***Николас не смог сдержать самодовольной ухмылки. Впрочем, он не особо старался.

Подхватив жетоны, висевшие на шее, он слегка приподнял их, чтобы показать Йохану. На них была выбита категория «А/0». Для большинства это значило «Ангел Смерти».

«Надеюсь, старший брат надел на тебя подгузники».

Йохан не понял жестов Николаса и проигнорировал надпись на жетонах, будто бы для него, в отличие от всех остальных, она ничего не значила.

Но он тоже показал свои жетоны. На них значилось «В/1». Это была высокая категория, и заполучить её — непросто, однако это на целую ступень ниже Николаса.

— Смертельная схватка — это тебе не игра в карты. Туз не обязательно гарантирует победу, — с улыбкой произнёс юноша.

Николас прочитал его слова по губам, но не ответил. Он убедился, что его противник хорошо подготовился. Другие слова тут ни к чему.

Йохан закрыл глаза. И стоило ему это сделать, как Николасу показалось, что всё вокруг сделалось на пару оттенков темнее. Николас поднял взгляд на небо, затянутое тяжёлыми тучами. И что с того? Любоваться звёздами он не имел привычки.

Краем глаза он заметил, как Уорик с Дарио чокнулись стопками.

Вряд ли они таким образом хотели дать сигнал к началу схватки, но Йохан тут же взмахнул рукой, будто пытаясь разорвать саму ткань пространства. И ему это удалось — к Нику быстро приближался метательный нож. Но прежде чем сам меченый заметил опасность, его тело уже отреагировало: катана отбила нож. Хотя уши Николаса не могли уловить звон металла, с

которым столкнулись лезвия, однако он почувствовал его всей кожей. Это был чистый звук убийства.

«Недурно».

Категории меченым раздавали нормальные — так их было проще контролировать. Как и сказал Йохан, они не показывали реальную силу, а скорее напоминали оценку, полученную на экзамене. Если бы результат каждой схватки можно было предсказать по одним только категориям противников, люди бы мерились значками, а не проливали кровь. Просто покажите друг другу жетоны и мирно разойдитесь. Скука смертная!

«Ты, главное, не спеши проигрывать. Хочу как следует повеселиться».

Николас, подняв над головой катану, бросился на Йохана. Их разделяло около шести метров. Николас успел быстро вдохнуть на ходу, а затем резко опустил оружие. То, что произошло дальше, оказалось для него полной неожиданностью: будто переходил через улицу поприветствовать старого знакомого и вдруг оказался в чужой стране. Острие катаны рассекло огромную куртку Йохана, и набивка разлетелась во все стороны. Если взглянуть в завесу из набивки, которая рассыпалась повсюду как пушистое облако, можно было увидеть юношу — тот улыбался, наслаждаясь кровожадностью противника. Николас вдруг почувствовал, что их объединяет нечто более глубокое, чем какие-то заурядные людские понятия, и улыбнулся в ответ.

«Да, мы совсем не такие, как люди», — подумал он. Смеялся ли он в тот миг над собой? Нет. Это была чистая правда. Люди заводили сумеречных как домашних питомцев, не подозревая, что у тех внутри сидит настоящий зверь.

Йохан небрежно снял порванную куртку и отбросил в сторону. Взгляду Николаса открылись метательные и боевые ножи, несколько пистолетов и множество других орудий убийства всех форм и размеров, закреплённых на стройном теле юноши.

Но удивили его не они, а правая рука — морщинистая, костлявая, словно стариковская. С первого взгляда понятно: это — компенсация. Такая рука не могла быть сильной, разве что по сравнению с рукой нормального.

Но эта стариковская рука двигалась с такой скоростью, что Николас не мог за ней уследить и гадал, как такое вообще возможно. Он заметил кончик боевого ножа всего в нескольких сантиметрах от собственного глаза и еле успел заслониться катаной. Инстинкт заставлял его защищаться и пытаться убить врага. Нику оставалось лишь следовать ему.

Николас перехватил катану. Теперь он держал её только левой рукой, а правой стиснул нож, который Йохан пытался всадить ему в глаз. При этом Николас слегка порезался, но ему было наплевать.

Он потянул за нож, и Йохан мгновенно разжал пальцы. Тело юноши ловко нырнуло куда-то вниз, будто он хотел ускользнуть от противника в какую-нибудь нору в земле.левой рукой он уже успел вытащить пистолет. Вырвав из рук Йохана нож, Николас тут же вогнал его в дуло, но это не помешало противнику нажать на спусковой крючок. Осечка. Йохан прокатился по земле, Николас — за ним. Куда попала пуля, они не знали, ясно было только одно: она не задела никого из них. Сломанный пистолет упал на бетон, засыпанный мусором.

Николас знал, что его противник владеет многим оружием, и хотел заставить юношу использовать всё. Ник жаждал открыться его жестокости, какую бы форму она не приняла, а

потом растоптать все игрушки юноши и до упора погрузить клинок ему в грудь.

На земле валялась брошенная кем-то дверца автомобиля. Йохан на ходу врезался в неё, остановился и неожиданно выбросил в сторону Николаса свою детскую, левую руку. В этот раз его жажда крови приняла форму иглы, выпущенной из какого-то хитрого снаряда. Николай никак не мог увернуться, поэтому позволил ей погрузиться в плечо. Не сбавляя скорости, мужчина попытался наступить на Йохана и что-нибудь ему сломать, но юноша уклонился через низкий прыжок — чуть ли не скользнул по земле, — и так оказался у Ника за спиной. Николай поспешно обернулся, стараясь не упустить противника из виду, к тому же он почувствовал угрозу спиной. Дверь машины, в которую недавно врезался Йохан, уже летела Нику в голову. Должно быть, юноша успел прицепить к ней леску и теперь дёрнул за неё. Николай поймал дверь левой рукой и запустил в противника.

Йохан ловко проскользнул через дыру на месте бокового стекла и помчался на Николаса, размахивая вторым боевым ножом. Николай снова занёс катану над головой, приготовившись разрубить нож надвое. Но Йохан сорвал его план, заслонившись от удара ножом. Из-за того, с какой силой столкнулись клинки, юноше пришлось вновь высоко подскочить. Николай подпрыгнул за ним.

Йохан приготовил левую руку, чтобы выстрелить иглой снова, но Николай с силой ударил противника в плечо, не дав снаряду попасть в цель. Он достал Йохана уже в воздухе. Глаза у юноши оставались закрыты, а на губах играла улыбка. В этой улыбке не было кровожадности — только чистая радость, будто бы противник танцевал на балу. Николай развернулся в воздухе и нанёс ему удар. Он был счастлив видеть, как улыбается этот бешеный пёс, и в душе умолял его не умирать. По крайней мере, пока.

Как и надеялся Николай, Йохан ловко отбил пистолетом его клинок. Так и не выстрелив, Йохан выронил пистолет и запустил в Ника метательный нож. Но Николай уже мог предугадать, что так будет. Выпущенный Йоханом пистолет понёсся вниз, как и сам Йохан. Николай перехватил пистолет и бросил в нож. Они едва дотронулись друг до друга, но и этого хватило, чтобы сбить нож с пути и заставить его навсегда исчезнуть в ночном небе.

Они приземлились на грязный цемент, лицом к лицу, опять метрах в шести друг от друга. Глаза Йохана всё ещё были закрыты. Николай с хищной ухмылкой прижимал ладонь к раненому плечу.

Всё так же широко ухмыляясь, Ник сильным рывком вытащил иглу, а затем щелчком пальца отправил её в полёт. На одежде расплылось пятно, похожее на алый цветок. Игла ударилась об искорёженный стальной лист и упала на землю.

Все чувства Николаса обострились. Он кожей чувствовал тихий звон, когда иголка столкнулась с препятствием. Вокруг царила страшная грязь, воняло мусором и кровью, но вообще-то Нику тут нравилось.

Йохан открыл рот, но вместо слов у него вырвался боевой клич.

«Так ты тоже понимаешь это, малец?»

В схватке двух диких зверей нет места словам. Да и в перерывах, в общем-то, тоже.

Таковыми и должны быть сражения между сумеречными. Для тех, чьи сумерки вскоре вот-вот обратятся в вечную ночь, времени для игр почти нет — зато есть это короткое «сейчас».

«Держишься? Эта схватка будет долгой. Покажи мне, как ещё ты умеешь убивать!»

Оба сумеречных ухмыльнулись ещё шире и снова рванули друг к другу — точь-в-точь как дикие звери.

***Уорик и Дарио попивали виски, пока наблюдали за невинной игрой двух смертельно опасных зверей.

— Веселятся вовсю, — умилился Дарио.

Уорик кивнул в ответ. Короткая цепочка врезалась в кожу, потёртость сильно зудела, поэтому он прикоснулся к шее.

«Этого ли хотела София?» — задумался он, дотронувшись до исчезающих отметин на коже.

Нет, быть не может! Но всё же он не мог отделаться от подозрения, что она предвидела и такой исход. По крайней мере, она знала, что Йохан появится в городе и будет её искать. И Уорик был уверен: она понимала, что когда это произойдёт, разыграется отнюдь не пьеса со счастливым концом, а настоящая трагедия.

Его мысли прервал Дарио:

— А знаешь, Йохан ведь просто не может жить без своей сестрёнки.

Уорик поверить не мог, что у Дарио достанет ума догадаться, о чём он думает: коротышке и в голову бы не пришло поразмышлять, что там творится у других на душе. Он просто сказал, что думает, и это совпало с мыслями Уорика, вот и всё. И Уорик не видел в этом ничего необычного.

Вместо ответа он подлил Дарио ещё виски. Тот забрал у него бутылку и, в свою очередь, налил Уорику.

— Видишь ли, — радостно продолжил он, — Йохан, похоже, вообще не понимает, зачем живёт на свете. И он вбил себе в голову, что для него младшая сестра — единственная причина жить. Думаю, он может чувствовать себя живым, только пока живёт ради неё. Вот почему ему сейчас так весело.

Уорик был уверен: София тоже это знала. Не могла не знать, что была для Йохана всем. Вот почему перед смертью она сделала такой заказ.

— Спрячь меня на три года.

Она просила об этом ради Йохана. Ей отчаянно хотелось спрятать своё искалеченное тело от любимого старшего брата. София знала, что Йохан тоже долго не протянет. Трёх лет, по её мнению, было достаточно.

Так, должно быть, она и провела всю свою жизнь: с малых лет старалась дать брату хоть какую-то надежду. Даже скрывала от него свою компенсацию. Из всех сил поддерживала иллюзорный мир, в котором жил Йохан.

И поэтому сейчас Йохан мог сражаться: он отдавал жизнь за сестру. И когда проливалась его кровь, он только смеялся.

Дешёвое ожерелье было достойной платой за то, чтобы сберечь красивую иллюзию, созданную

девочкой для старшего брата. Но вместе с этим София повесила на Бенрию ответственность за две смерти, эта ноша была ему не по плечу.

Уорик закурил сигарету.

— Ну а сам-то?

— Ась?

— Сам-то ты хорошо знал Софию?

Дарио почесал в затылке:

— О чужих женщинах я не болтаю. Хотя хвали её, хоть ругай, а ничего хорошего из этого всё равно не выйдет.

Дарио зажал в зубах сигарету. Уорик дал ему прикурить. Из кончика потекли завитки сладкого дыма.

Дарио был очень странным. Даже недоступным пониманию — если вы любите клише. Ему точно не доставало ума, он вряд ли много чего знал, но, как и говорил Йохан, Дарио всегда как-то умудрялся сделать правильный выбор, пусть даже чудом. Можно сказать, что в его случае забыть всё — куда выгоднее, чем всё помнить. «Наверное, в этом-то всё и дело», — подумал Уорик.

Кто-то великий сказал, что обладание многими талантами опаснее бесталанности. Уорик никогда ничего не забывал. И слишком многие женщины влюблялись в него, можно сказать, «талант» — прекрасные светлые волосы. Сколько всего он упустил из-за этого? Хотелось бы верить, что какие-нибудь мелочи. Только вот у него был всего-то один глаз. И он не мог запомнить то, что никогда не видел.

— Ты говорил, что чувствуешь неудачу.

— Есть такое. Этим и живу.

— А сейчас ничего не чувствуешь?

— Ничего. Только выпивка, дым, кровь и жуткая вонь с помойки. Вот и всё. Обычные запахи, даже успокаивают.

— Ясно.

Похоже, Дарио и впрямь ничуть не волновался. Вёл он себя точно так же, как и во время любой другой их с Уориком совместной попойки. Верил ли он, что Йохан выиграет? Или...

Эта мысль заставила Уорика улыбнуться. Не стоило воображать, что Дарио умнее, чем есть на самом деле. Так можно натворить кучу глупостей.

Дарио затянулся и отпил из стакана с виски. Потом повторил — ещё раз и ещё. Наконец сказал:

— Кстати о женщинах. Когда-то я нарисовал картину вместе с одной красоткой. Потрясная была картина. С улыбающейся собакой.

— Знаю. Ты налепил её на своей «фиате».

— Откуда ты знаешь? Я и сам не помню, куда её налепил.

— Ты сказал. Столько раз говорил, что аж затошнило. Я и сам её видел.

— Правда? Ну неважно. Но какая это была красotka!

«Каково это — забывать?» — неожиданно захотел спросить Уорик. Но в конце концов ограничился одной только загадочной улыбкой.

Дарио ему скорее нравился. Ах если бы только они встретились при других обстоятельствах! Но думать о всяких «если бы да кабы» — пустая трата времени. В этом городе ни одна встреча ничем хорошим не заканчивается.

Уорик снова вспомнил Софию.

Он не находил её ни красивой, ни очаровательной. К тому же она постоянно натягивала маску отстранённости, но маска эта была очень хрупкой. Даже при том, что тело Софии буквально разлагалось на глазах, она продолжала мечтать, как девчонка. Строила из себя циничную, но доверилась мужчине, едва он проявил к ней немного доброты. Таких женщин везде было как грязи. Но она хотя бы вела себя как настоящая женщина — расставаясь, оставила Уорику кучу проблем. А что может быть хуже обещания, которое ты дал умирающей женщине и которое теперь нельзя не выполнить?

«Начнём с того, что мне не выполнить его в одиночку», — подумал Уорик. Он выдохнул дым и уставился на сражающихся.

К счастью, София дала заказ не только Уорику, а обоим Бенриям. Она не просила ни доброты, ни участия с привкусом романтики. Этого ей никогда не было нужно. Она просто хотела, чтобы они в точности выполнили её желание — только и всего.

И раз уж Уорику было позволено приплести сюда второго Бенрия, считай, дело в шляпе. Нику можно доверить любую работу. Он всё выполнял до боли идеально.

К тому же Ник не испытывал к клиентам никаких чувств — это даже не обсуждалось. Работа есть работа — дополнительных причин взяться за неё ему не требовалось. Уорик был уверен, что Ник не испытывал никаких человеческих чувств даже к нему самому. Сумеречные следовали простому закону: подчиняться держателю контракта. Николаса Брауна это не радовало, но и не огорчало. Он был идеальным партнёром для Уорика Арханджело.

***Йохан улыбнулся — боль ему нравилась.

Будто он снова жил у Липучки. О том времени у него не сохранилось ни единого приятного воспоминания, но именно тогда он научился получать от этого удовольствие. «Ради Софии, это ради Софии», — повторял он про себя, уничтожая всё на своём пути. Только так он чувствовал, что искупает вину.

Он жил, словно изголодавшийся бродячий пёс, в ожидании смерти ползающий на брюхе по помойке, среди нечистот. И если в этой грязной жизни можно было найти спасение, то это было оно. Только в эти моменты рождалась надежда. Надежда на лучшую жизнь для его любимой сестрёнки, которая в свою очередь давала надежду ему.

Йохан держал глаза закрытыми. Для драки они ему были не нужны.

Нюх давал Йохану куда больше информации об окружающем мире, чем зрение. Запахи покрывали всё, по одним только запахам он мог определить, где скрывается враг, что происходит сзади, сверху и снизу. По ним он понимал, насколько утомлён противник и как близок к смерти.

Сумеречный, с которым сражался сейчас Йохан, был исключением из правил. Сильнее его юноша не встречал никого. Высоким или мощным назвать его было нельзя, но тело Николаса будто целиком состояло из мышц — сильных, тяжёлых, эластичных. Йохан был легче, а значит быстрее. Разнообразное оружие тоже давало ему преимущество. Но во всём остальном противник был выше на голову. У Йохана не было и шанса превзойти его ни в силе, ни в опыте, ни в безумии. Этот мужчина раздавит его, как букашку. До боли легко представить, как его катана смахнёт Йохану голову с плеч или вонзится в грудь.

Йохан не мог и вообразить себя победителем. Его пули и ножи Ник просто отбросит в сторону. И даже если они попадут в цель, разве удастся им остановить это сильное тело? Проволоку Ник разрубит, а кроме неё любое оружие причинит вреда не больше, чем весенний ветерок. Всё, на что способен Йохан, для Николаса ерунда.

И всё-таки победит Йохан.

Йохан знал запах крови, запах убийства. Он беспрекословно верил своему носу. К тому же на его стороне был Дарио. Пускай он ни на что не годен, но умереть не годен в первую очередь. Даже сложнее представить мёртвым его, чем мускулистого сумеречного. Пока Йохан, способный чують кровь, держался Дарио, способного чують удачу, они не могли никому проиграть. Никогда.

Жуткий запах этого жуткого Николаса приближался. Его пот пах самой жизнью. А левая икра и левое плечо — кровью. Там он потел сильнее, чем в других местах, к тому же те участки горели сильнее, но мужчина, кажется, этого не замечал. Этот комок мышц подпрыгнул, и запах железа приблизился.

Йохан дёрнул за проволоку, которую обвязал вокруг левой руки. Вонь затхлого, распухшего от влаги деревянного шкафа ударила Николаса справа. Но мужчина, похоже, смог даже в сумерках разглядеть проволоку. Аккуратно рассчитав силы, Йохан оборвал нить. Звук удара раздался прямо у его уха, но он не обратил на это ни малейшего внимания: он уже готовился к следующей атаке.

Йохан прыгнул на противника и замахнулся ножом, пытаясь перерезать тому горло. В тот же миг Николас пригнулся, избегая удара. Что за звериная реакция! Только вот Йохан знал, что так и будет, он ведь чувствовал малейшее движение мускулов противника. Поэтому отпустил нож и прицелился в лицо Николаса из пистолета, зажатого в другой руке. К его удивлению, противник, вместо того, чтобы отшатнуться, рванул прямо к дулу. А затем ударил по нему рукоятью катаны, которую был вынужден держать почти вплотную к телу. Йохан нажал спусковой крючок. Из опущенного вниз дула вырвалась пуля, и оба противника почувствовали, как она разорвалась где-то внизу.

Йохан ошибся, и знал это. Не нужно было стрелять. Он ведь знал, что целится не туда. Пускай и прошло меньше секунды, а всё-таки зря потерял пулю и дал противнику преимущество. Или это Николас специально рванул к дулу, чтобы заставить его, Йохана растеряться? А потом воспользоваться коротким замешательством? Если всё так, значит, он и правда чудовище.

Мгновением раньше или позже — и этот Николас бы получил пулю промеж глаз. И всё, конец. Или так Николас пытался сказать, что глух даже к шагам приближающейся смерти?

И в следующую секунду всё ещё растерянный Йохан получил удар — не катаной, не кулаком и даже не подошвой ботинка. Твёрдый, как камень, лоб врезался в его нос, да так, что из глаз посыпались искры.

Стараясь не улететь дальше, Йохан позволил себе упасть на спину. Голова у него запрокинулась, подбородок смотрел в небо. Йохан знал, что нож у его ног и только что отскочил от асфальта, поэтому легко поймал его в воздухе, за рукоять. Йохан взмахнул ножом, собираясь снизу вогнать его в шею противника.

Но тот, будучи чудовищем, без особого труда отбил лезвие рукоятью катаны. Йохан буквально почувствовал, как раздуло от силы мускулы рук Николаса. Удар — и нож вылетел из руки Йохана, а рукоять катаны по инерции врезалась ему в скулу. В левой руке Йохан всё ещё сжимал пистолет, из которого и выстрелил, не колеблясь. Николас тут же увернулся. Пуля всё-таки прошла по его левому боку, но рана была не смертельной. Так, царапина. Мужчина сделал ещё один шаг вперёд. Запах его крови всё усиливался.

Такое чудовище так просто не остановить. В подтверждение этому Николас обрушил катану на лежащего на земле Йохана. Тому как-то удалось откатиться и избежать удара — возможно потому, что Николас потерял баланс, уворачиваясь от пули. Йохан попытался использовать силу инерции, чтобы, откатившись, схватить ранее потерянный нож. Но Николас твёрдо стоял обеими ногами на земле, и у него было преимущество.

Откатываясь, Йохан кинул в Николаса несколько железных трубочек. Они были чем-то вроде самодельных ручных гранат и срабатывали через раз, но в этот повезло — раздался взрыв. От грохота заболели уши, но Йохан использовал его как сигнал: вскочил на ноги и начал наугад палить из пистолета, обеспечивая тем самым себе прикрытие. В какой-то момент его подвёл нюх — слишком много всего смешалось в воздухе — и Йохан перестал понимать, куда вообще делся Николас. Юноша бы не удивился, окажись это его последняя секунда, однако Йохан остался жив и даже смог подобрать нож.

Откуда-то сбоку он услышал, как хлопает и громко радуется Дарио. Видимо, безвкусная вспышка перед взрывом подняла ему настроение.

Нюх вернулся к Йохану, он развернулся к своему противнику, держа наготове нож, и почувствовал облегчение.

Удача была на его стороне.

После ожесточённой борьбы с монстром он всё ещё жив. Тело двигалось. Трубки разорвались ближе к Йохану, но Николас, похоже, пострадал сильнее — в него влетели осколки цемента, поднятые взрывом. Да то, что подделка в принципе сработала, — уже несказанная удача. Если бы не она, аккуратно срубленная голова Йохана уже бы катилась по асфальту.

Вышло так, что почти все раны, которые Йохан нанёс Николасу, пока они сражались, пришлись на левую сторону. Конечно, Йохан был в курсе, что его противник — левша, и на своём опыте знал, насколько сложно сражаться, когда тело страдает от дисбаланса.

Или же это совпадение — ещё одна удача, подаренная Дарио? Для живого воплощения Удачи коротышка слишком уж сильно вонял. Но его нос говорил, что сегодня Йохан сумеет победить это чудовище. Дарио ведь поэтому разрешил напасть на Николаса, так?

Нос Йохана, встретившийся со лбом Ника, и щека, пострадавшая от катаны, болезненно пульсировали. Юноша привык не обращать внимания на боль, но всё же чувствовал себя нехорошо. Наверное, получил сотрясение мозга. Сможет ли он и дальше так же удачно отбиваться от чудовища?

Йохан боялся, что Николас вот-вот на него набросится, но тот так и не сдвинулся с места. Просто ухмылялся и всё. Интуиция подсказывала — противник даёт ему отдышаться. Эти снисходительность и уверенность противника опять же можно было списать на удачу — теперь уже Йохана.

Сам он, воспользовавшись возможностью, вздохнул, открыл глаза и увидел, на удивление, ясную ночь. Прорвавшись сквозь облака, на землю падал лунный луч — яркий и стремительный, как блеск выпущенной из лука стрелы. Как пахнет лунный свет, не знал даже Йохан.

Николас поманил юношу пальцем.

«Готов? Давай уже!» — так Йохан понял его жест.

В голове у него и правда прояснилось, в ушах больше не звенело. Вонь пороха тоже немного рассеялась, и Йохану стало проще ориентироваться по запаху.

Под конец Йохан кинул быстрый взгляд на драный диван. Но его интересовал не Дарио, а тот, кто сидел рядом с ним и попивал виски, легкомысленно улыбаясь.

Уорик. С его шеи свисало знакомое ожерелье с подвеской в форме крыла.

Йохан был уверен: София ни за что не рассталась бы с украшением. И уж точно не стала бы передаривать. По крайней мере, по своей воле. Да и её запах, исходивший от ожерелья, казался каким-то слабым.

На секунду Йохану невыносимо захотелось убить Уорика.

Но менять приоритеты было нельзя. Сначала нужно расправиться с чудовищем, от которого исходит сводящий с ума смрад — жажда крови.

В конце концов, пса ведёт именно нюх.

***Встретившись глазами с Йоханом, Уорик всё понял. Он тут же почувствовал, что юноша хочет его убить, и даже присвистнул от такого.

В который раз пришлось убедиться: когда сумеречный так на тебя пялится, это до чёртиков страшно.

— Давно ты его знаешь?

Дарио выпустил из пальцев догоревшую до самого фильтра сигарету и склонил голову набок, наблюдая, как она падает к его ногам.

— Да не особо. Год, может два. Спроси у него.

— Надо же! Мне-то казалось, что вы уже лет десять вместе бродяжничаете.

— Знаешь, он как будто вчера родился. С ним ведь в детстве никогда не обращались по-

человечески. Стоит кому-то заговорить с ним нормально, и он уже привязался.

— Ну а ты что?

— Э?

— Ты, похоже, души не чаешь в малыше Йохане. Почему?

Уорик не сомневался, что Дарио просто скажет, что забыл. Правда это или нет, но коротышка увильнёт от ответа.

Однако Дарио не стал этого делать.

— А разве нужна причина, чтобы подружиться?

— Дело не в том, нужна она или не нужна. Что-то ведь есть.

— Может быть, — проговорил Дарио, поднеся к губам стакан. — Везде и всюду вонючие придурки творят какое-то вонючее дерьмо. Мне всё это осточертело. Знакомое чувство?

— Не то что бы.

— Вот и славно. Короче, если ты голодный — хочется набить брюхо, верно? А если всё наоборот, если последний кусок в горло не лезет, восхищаешься теми, кто голоден.

Мысль Дарио ускользнула от Уорика. Он мог бы, наверное, поддакнуть, сказать, что полностью разделяет его чувства, но что-то подсказывало ему, что речь идёт о серьёзных вещах и соглашаться следует только всерьёз. Уорик почему-то знал: сейчас Дарио объяснит, почему решил по доброй воле расстаться с жизнью.

— Отчего ты так пресытился?

— Я плохо помню, почему именно. Прекрасная у меня всё-таки голова: тут же забывает всякую ерунду.

— Точно. Это один из твоих немногих талантов.

— Я в курсе. Ты бы знал, сколько от этого пользы!

— Но и вреда от этого немало.

— Ну если что, я всегда могу спросить братишку.

— Вы, я смотрю, дополняете друг друга.

— Это и называется партнёрством.

Уорик одним глотком выпил то, что оставалось в стакане, и Дарио подлил ему ещё. Бутылка уже наполовину опустела.

Дарио отпил немного виски и улыбнулся:

— Отличная выпивка. И ночь хороша. Одинаково хороша для того, чтобы напиться или расстаться с другом.

И сразу после этих слов у них на глазах пролилась кровь.

***Йохан оторвал взгляд от ожерелья и перевёл на Николаса: счастливая ухмылка мужчины исчезла без следа. Теперь он с разочарованием на лице смотрел на юношу.

Йохан тут же догадался в чём дело. Это потому, что на секунду ему захотелось убить не это чудовище, а кого-то другого. Николас осуждал неискренность его намерений.

«Простите, Николас», — подумал Йохан.

Простите, что испортил всё веселье. Простите, что я не такое же чудовище.

«Но у меня есть своя радость».

София. Само её существование делало Йохана счастливым.

Йохан все нажимал и нажимал на спусковой крючок, пока не закончились пули. Одна чуть оцарапала Николасу плечо, от остальных он увернулся или отбил мечом. Едва закончив стрелять, Йохан кинул в него два ножа и тут же сам, вслед за ними, бросился на противника.

Оружие у него кончилось. Остались только нож и проволока.

Йохан закрыл глаза и рванул вперёд.

«Моя жажда крови должна стать чистой», — уговаривал он себя.

Чистой, как метательный нож, как пуля. Как чудовище, стоящее перед ним. Йохан верил: следующий удар окажется смертельным для противника.

Он убьёт его! Убьёт его, в этом нет сомнений. Убьёт следующей атакой. Всего на несколько мгновений он забудет о Софии. Отдаст себя без остатка чистому безумию. Всего на секунду станет похож на чудовище перед ним и вложит всю свою жажду крови в единственный отточенный удар.

«Если только поверю в это...»

Николас увернулся от брошенных в него ножей и встретил противника лицом к лицу. Для этого он занёс катану.

Если бы только Йохан поверил в свою кровожадность, он бы заставил чудовище навсегда умолкнуть.

К одному из брошенных ножей Йохан привязал проволоку. Когда она полностью размоталась, он дёрнул её на себя. За спиной Николаса послышался свист разрезанного надвое воздуха.

«Я — чистая жажда крови».

Только всё это было ложью. Если бы чудовище могло слышать, оно бы уже догадалось. И ведь Николас неотрывно смотрел на Йохана, даже ухмыляться перестал. Юноша чувствовал это и с закрытыми глазами. Теперь он думал ударить приближающееся чудовище ножом, пропитанным ложной жаждой крови. Чудовище взмахнуло катаной.

Лезвия с лязгом столкнулись. И тут же узкий нож вонзился в спину Николасу — всё, как и рассчитывал Йохан.

Николас ослабил хватку, и юноша выбил катану у него из рук. Йохан знал: он вот-вот вонзит нож в глотку противника.

Только вот острое врезалось во что-то плотное. Слишком мясистое для горла. Николас, в спине которого уже торчал нож, поднял правую руку и позволил клинку войти в неё.

— Ах!

Вот оно какое, настоящее чудовище! Даже если воткнёшь нож в спину или глотку, его это не остановит. Настоящее безумие не знает пределов, сколько бы крови ни пролил безумец.

Йохан попытался выдернуть нож, доставший аж до кости, из руки Николаса. Ничего не вышло. Клинок намертво застрял в мышцах. Ничего не поделаешь. Йохан отпустил своё последнее оружие.

Потом сжал кулак на своей правой, стариковской руке, а затем изо всех сил ударил по рукоятке ножа — тут же в воздухе разлился запах крови. Запястье Йохана неестественно загнулось — силу он явно не рассчитал. Он учился и рукопашному бою, но драться голыми руками не планировал. Йохан попытался снова ударить по рукоятке — в этот раз левой, детской, рукой. Но Николас перехватил её своей кровоточащей правой и сдавил будто в тисках.

Страшная боль заставила Йохана открыть глаза. Сквозь выступившие слёзы он разглядел улыбку чудовища.

— ЭтИм Я вСё РаЗрУшИл.

Так юноша впервые услышал голос чудовища.

Он не понял, что сказал Николас.

Понял только, что катана вошла ему в горло, и оттуда хлынула кровь. Но запаха её он больше не чувствовал.

***Растерзанное тело Йохано упало на землю. Под ним быстро натекла лужа крови.

Её было столько, что теперь кровавой запах чувствовал даже Уорик. И этот запах никак не назвать приятным.

Николас же без сил прислонился к стене: пытался перевести дыхание. Из его правого предплечья, куда в конце сражения вонзили нож, капала кровь.

«Ты перестарался, — хотел упрекнуть его Уорик. — Мог бы запросто выиграть и без таких жертв!»

Но у его партнёра была скверная привычка: он чересчур любил угождать своим противникам.

Попивая виски, Дарио рассматривал то, что всего несколько секунд назад было Йоханом. На его лице Уорик не нашёл ни малейшего следа печали. Более того, — на губах Дарио играла радостная улыбка.

Стакан его опустел, и Уорик спросил:

— Ещё налить?

Дарио покачал головой:

— Не, а то мне захочется отлить.

— Ночь только начинается.

— На сегодня я уже достаточно повеселился.

— Ясно.

Уорику хотелось ещё хоть немного поговорить с ним, но подходящая тема никак не шла в голову.

Поэтому он вынул из кармана кольт и прижал к виску Дарио.

— Помнишь, какие были ставки?

— Не-а, забыл уже, — ответил Дарио, приподняв уголки губ. — Спрошу Йохана на том свете. Он способный малый.

— Да, ты говорил.

Дарио посмотрел на коробку сигар, но она уже опустела. Лишь тонкий сладкий аромат повис в воздухе. Уорик предложил ему сигарету, но коротышка жестом отказался.

— Увидимся, приятель. Отличная ночь, чтобы попрощаться.

— Пока, приятель. Передавай от меня привет младшему брату и твоей стильной фиолетовой тачке.

Уорик нажал на спусковой крючок. .

До смешного громкий выстрел разлетелся эхом.

Он был похож на голос Дарио. Немножко.

Уорик вернул пистолет в карман, а затем положил ладонь на полуоткрытые, будто в улыбке, глаза распростёртого на диване мужчины. Даме в таких случаях говорят: «Спокойной ночи».

— Так держать! — прошептал вместо этого Уорик. Но ему никто не ответил.

Он залпом выпил оставшийся в стакане виски, поджёг сигарету, выпустил облако дыма и закрыл глаза.

Дарио так до конца и остался загадкой. Во всяком случае точно не другом. И всё же Уорику хотелось бы как-нибудь выпить с ним. Хотя бы ещё раз. И ещё раз посидеть на пассажирском сиденье фиолетового автомобиля. Или чтобы Дарио снова назвал его другом. С этими мыслями следовало покончить.

Уорик открыл глаза и увидел, как к нему приближается Николас.

«Всё?» — спросил он жестами. Уорик кивнул.

— Да, оба.

Он расправился с заказами мёртвой женщины и мафиозного клана, а заодно с этими двумя.

Уорик встал с дивана, подошёл к Йохану и вгляделся в его лицо. Его выражение не оказалось горьким, хотя думалось иначе. Скорее Йохан напоминал спящего ребёнка.

Уорик снял с шеи слишком короткое для него ожерелье, сел на корточки рядом с Йоханом, вложил ему в руку и сжал мёртвые пальцы. Неужели он и впрямь рисковал жизнью ради такой мелочи — крыла на цепочке? Луна, наконец, показалась из-за туч, но эта дешёвка даже не блеснула, отражая тусклый луч.

«А это разве не плата за работу?» — равнодушно спросил Николас.

— Так и есть, — кивнул Уорик. — Только вот если в доме будет валяться эта девчачья штучка, у меня станет меньше заказов по основной работе. Эта дешёвка того не стоит.

«Так мы что, работали за бесплатно?»

— Верно говорят: что посеешь то и пожнёшь. Так что бывают и такие вот ночки, напарник.

Услышав такой беззаботный ответ, Николас скривился, хотя особо недовольным не выглядел. Он, наверное, с самого начала плевать хотел на это ожерелье.

В маленьком городе Эргастулум, со всех сторон окружённом стенами, на каждом шагу можно вляпаться в неприятности. К худу это или к добру — всем уже наплевать. Этим двоим вот просто не повезло.

Всё-таки нос Уорика не чуял запаха удачи.

— Не свезло! — пожал он плечами и натянул на лицо свою уже изрядно поношенную дежурную улыбку.

<http://tl.rulate.ru/book/90595/2911289>